

2. Викторова Т. В. Константин Васильевич Мочульский // Преподобный Сергей в Париже. История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института. СПб.: Росток, 2012. С. 460–472.

3. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991.

4. Мочульский К.В. Б.К. Зайцев // Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. С. 120–122.

5. Мочульский К.В. Заметки о Розанове // Кризис воображения. ... С. 131–135.

6. Мочульский К.В. Наследие Марселя Пруста // Кризис воображения. ... С. 259–261.

7. Мочульский К.В. О Гоголе // Кризис воображения. ... С. 35–37.

8. Мочульский К.В. О литературной критике // Кризис воображения. ... С. 217–220.

9. Мочульский К.В. О Шмелеве // Кризис воображения. ... С. 124–126.

10. Мочульский К.В. О.Э. Мандельштам // Кризис воображения. ... С. 135–139.

11. Мочульский К.В. Ф.К. Сологуб // Кризис воображения. ... С. 126–130.

* * *

1. Berdjaev N.A. Duhi ruskoj revoljucii // Iz glubiny: sb. st. o ruskoj revoljucii. M., 1990. S. 56–90.

2. Viktorova T. V. Konstantin Vasil'evich Mochul'skij // Prepodobnyj Sergij v Parizhe. Istorija Parizhskogo Svjato-Sergievskogo Pravoslavnogo Bogoslovskogo Instituta. SPb.: Rostok, 2012. S. 460–472.

3. Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki. Bunin. Remizov. Shmelev. M.: Skify, 1991.

4. Mochul'skij K.V. B.K. Zajcev // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 120–122.

5. Mochul'skij K.V. Zametki o Rozanove // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 131–135.

6. Mochul'skij K.V. Nasledie Marselja Prusta // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 259–261.

7. Mochul'skij K.V. O Gogole // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 35–37.

8. Mochul'skij K.V. O literaturnoj kritike // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 217–220.

9. Mochul'skij K.V. O Shmeleve // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 124–126.

10. Mochul'skij K.V. O Je. Mandel'shtam // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 135–139.

11. Mochul'skij K.V. F.K. Sologub // Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety. Tomsk: Vodolej, 1999. S. 126–130.

Issue of appeal to a personality and creative work in the literary portraits by K.V. Mochulsky

There is considered the approach of the Russian abroad critical author K.V. Mochulsky to a personality in the context of the literary portrait genre. There is determined the genetic relation of a biographical author and literary work, which is proved by the author's style as a verbal form of a personality.

Key words: *literary criticism of the Russian abroad, literary portrait, personality, style, literary method, critical author, reader.*

(Статья поступила в редакцию 8.06.2015)

Е.В. КОМИССАРОВА
(Смоленск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭПИГРАФОВ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ РЕМИНИСЦЕНЦИЯМИ ОСНОВНОГО ТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ К. ФУНКЕ «ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»

Раскрывается одна из функций эпитафия, при которой он маркирует литературные реминисценции основного текста. При этом эпитаф взаимодействует с интертекстуальностью различной степени эксплицитности на всем пространстве текста безотностительно главы, которой он предшествует.

Ключевые слова: *эпитаф, функции эпитафия, литературные реминисценции, прецедентные тексты, тематизированная интертекстуальность, эксплицитная интертекстуальность, имплицитная интертекстуальность.*

Краеугольным камнем в изучении эпитафия для исследователя языка и литературы становится неразрывная связь эпитафия с основным текстом произведения. Наряду с заглавием, предисловием, послесловием, примечанием он входит в число компонентов околотек-

стового окружения. Несмотря на свою периферийность, эпиграфы занимают сильную позицию в архитектонике произведения, с помощью которой, по мнению И.В. Арнольд, автор достигает выполнения важных прагматических задач, связанных с «установлением иерархии смыслов, фокусированием внимания на самом важном, усилением эмоциональности и эстетического эффекта, установлением значащих связей между элементами смежными и дистантными, принадлежащими одному и разным уровням, обеспечением связанности текста и его запоминаемости» [1, с. 205].

В определении эпиграфа указывается, что он может взаимодействовать как с текстом в целом, так и с отдельными главами: «короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения или его частью» [7, с. 511]. Важным объединяющим свойством в обоих случаях становится препозиция эпиграфа по отношению к связанному с ним тексту всего произведения или отдельно взятой главы. Данная локализация эпиграфа не случайна: содержащаяся в ней информация «задает тон, намекает на то, что будет увидено потом в произведении» [8, с. 42]. И.Р. Гальперин дифференцирует любую информацию в тексте на: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую [2, с. 27–28]. При «анонсировании» каждого из перечисленных видов информации в эпиграфе последней осуществляется информативная функция, с помощью которой автор подает читателю сигнал, настраивает его на то, о чем пойдет речь в данном тексте или главе [6].

Несколько иной взгляд на эпиграф предлагается в теории интертекстуальности, автором которой является французский семиолог Ю. Кристева. Она рассматривает текст как динамическую систему межтекстового взаимодействия: «... любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [5, с. 429]. Последователь теории интертекстуальности Ж. Женетт дополняет ее классификацией межтекстовых отношений. По предложенной классификации эпиграф включен в определенный класс отношений с основным текстом, обозначаемых как паратекстуальность [3, с. 338]. Н.А. Фатеева относит эпиграф в составе паратекстуальности к типологии интертекстуальных элементов [10, с. 25–26], тем самым присваивает эпиграфу, наряду с другими видами интертекста, определенные функции для осуществления межтекстового и межкультурного взаимодействия.

Интертекстуальные элементы также могут быть обозначены с помощью понятия «реминисценции», которые определяются как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [9, с. 17].

Ввиду рассмотрения эпиграфа как одного из компонентов интертекстуального взаимодействия нам представляется адекватным применить типологию маркирования интертекстуальности, предложенную Й. Гельбихом, в оценке паратекстуальных отношений [13, с. 83–87].

Основное внимание Й. Гельбих уделяет видам маркирования интертекстуальности, выстраивая систему категорий маркирования интертекстуальных элементов, в которой главным критерием типологизации служит мера *эксплицитности* (выделено мной. – Е.К.). Так, различают имплицитные и эксплицитные виды маркирования. Мера эксплицитности представляет собой градуированную шкалу, состоящую из различных типов маркирования: пониженная степень – имплицитно маркированная интертекстуальность; полная – эксплицитно маркированная интертекстуальность, активизирующая степень – тематизированная интертекстуальность. Исходной точкой данной шкалы с нулевым значением является немаркированная интертекстуальность.

В качестве объекта анализа мы рассматриваем эпиграфы к главам произведения К. Функе «Чернильное сердце» в их взаимодействии с литературными реминисценциями основного текста разной степени эксплицитности, имеющими общий с эпиграфом претекст.

Произведение «Чернильное сердце» немецкой писательницы Корнелии Функе насчитывает 59 эпиграфов – по числу его глав. В нем рассказывается о 12-летней девочке Мегги, которая очень любит читать. Мегги живет со своим отцом Мортимером. Он никогда не читает своей дочери вслух, т.к. скрывает от нее свой дар – каждый раз, когда он начинает читать какую-нибудь книгу, ее герои появляются в реальном мире. О своем даре отец узнал, когда читал вслух еще совсем маленькой дочери книгу «Чернильное сердце».

Эпиграф и тематизированная интертекстуальность основного текста

В основном тексте произведения «Чернильное сердце» представлены различные виды интертекстуальности – от нулевой степени до абсолютной. Для обозначения наивыс-

шей степени эксплицитности немецкие исследователи (Й. Гельбих, П. Штокер) используют специальный термин «тематизированная интертекстуальность». Литературная реминисценция в данном случае есть не что иное, как упоминание заглавия произведения, которое проходит процесс материализации, овеществления в тексте с помощью:

1) одного из метакоммуникативных глаголов: «Du konntest mir *Tom Sawyer vorlesen* (здесь и далее выделено мной. – Е.К.)» [12, с. 67];

2) существительного «das Buch» или одного из его субститутов, употребляемого вместо метакоммуникативного глагола либо вместе с ним: «Wie ware es mit einer *Lügeneschichte?*, [...] „*Pinocchio*“, dachte Meggie» [Там же, с. 25].

Приведенные выше примеры упоминаний заглавий произведений показывают один и тот же способ их графического маркирования курсивом.

В произведении «Чернильное сердце» можно выделить ряд литературных реминисценций, которые одновременно фигурируют в эпиграфах и тематизируются в основном тексте: 1) «Der seltsame Fall von Dr. Jekyll und Mr. Hyde», 2) «Das Dschungelbuch», 3) «Die Schatzinsel», 4) «Die Abenteuer des Tom Sawyer», 5) «Wo die wilde Kerle wohnen», 6) «Peter Pan», 7) «Der Herr der Ringe».

Следует отметить, что перечисленные ссылки относятся к общеизвестным произведениям мировой литературы. Для обозначения текстов такого рода в лингвистическую науку Ю.Н. Карауловым было введено понятие прецедентности. К прецедентным, таким образом, он относит, тексты: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном плане, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

Одной из причин частого использования заглавий прецедентных текстов в произведении «Чернильное сердце» становится сюжетный замысел автора, благодаря которому персонажи, предметы из упоминаемых произведений осуществляют нарративные металеписи: фея из произведения Дж. Барри «Peter Pan», золото из произведения Р.Л. Стивенсона «Die Schatzinsel» появляются в повествовании в «Чернильном сердце». Увлечение чтением, свойственное некоторым действующим лицам (Мегги, Мо, Элинор и т.д.), делает насыщен-

ность прецедентными текстами естественным и неизбежным фактом не только в повествовании, например в описании образов персонажей произведения, но и в диалогической речи этих персонажей.

В первой главе «Ein Fremder in der Nacht» присутствует упоминание заглавия прецедентного текста Р.Л. Стивенсона «Der seltsame Fall von Dr. Jekyll und Mr. Hyde», которое тематизируется с помощью глагола «lesen»: «“Was hast du vorm Schlafen gelesen? *Dr. Jekyll und Mr. Hyde?*»» [12, с. 11].

Усеченное название произведения Р.Л. Стивенсона, тем не менее, обладает высокой степенью очевидности из-за присутствующих в заглавии онимов. Поэтому его упоминание полностью было бы излишним, также и потому, что эллиптические конструкции являются более естественными для диалогической речи.

Тематизация произведения «Der seltsame Fall von Dr. Jekyll und Mr. Hyde» лишь усиливает эксплицитность графически и ономастически маркированной литературной реминисценции, но отнюдь не вскрывает коннотативное значение, тот «тайный» смысл интертекстуальной игры, который заложен в ее использовании.

Когда испуганная Мегги вбегает в комнату к отцу рассказать о незнакомце за окном, мы можем предположить, что это всего лишь разыгравшееся воображение, возможно, от прочитанной перед сном какой-нибудь страшной истории, например, о докторе Джекиле и мистере Хайде. Главный протагонист, Мегги, предстает перед нами начитанной девочкой с богатым воображением, унаследовавшей любовь к книгам от своего отца. Мегги относится к книгам как драгоценностям: «Vor Jahren schon hatte er ihr eine Kiste für ihre Lieblingsbücher gebaut <...> Auf den Deckel hatte Mo mit wunderschönen, verschlungenen Buchstaben *Meggies Schatzkiste* geschrieben» [12, с. 24]. Мегги называет книги и родным домом на чужбине, и верными мудрыми друзьями, которые поддержат ее в трудную минуту, разгонят тоску, когда ей одиноко: «Sie waren ihr Zuhause in der Fremde vertraute Stimmen, Freunde, die sich nie mit ihr stritten, kluge, mächtige Freunde, verwegen und mit allen Wassern der Welt gewaschen, weit gereist, abenteuererprobt. Ihre Bücher munterten sie auf, wenn sie traurig war, und vertrieben ihr die Langeweile» [Там же, с. 25]. Поэтому Мегги не только без труда улавливает смысл намека отца, но и верит тому, что лю-

бая книга может оказать на нее воздействие: «Fast glaubte sie schon selbst nicht mehr an die Gestalt im Regen <...> bis sie wieder vor ihrem Fenster kniete» [12, с. 12].

Собственно интертекстуальная игра открывается читателю позднее – в эпитафии к главе «Die richtigen Sätze», в котором цитируется произведение Р.Л. Стивенсона «Der seltsame Fall von Dr. Jekyll und Mr. Hyde». Данная цитата указывает читателю на inferнальный сюжет произведения Р.Л. Стивенсона. В ней описывается фантастический процесс рождения из праха «ужасного»: «was tot war und keine Gestalt besaß, sich die Äußerungen des Lebens annahm» [Там же, с. 505].

Взаимодействие эпитафии с тематизированной интертекстуальностью, таким образом, помогает раскрыть игровую тональность всего произведения, мотивированную жанровыми особенностями литературной сказки.

Эпитафия и эксплицитная интертекстуальность основного текста

Эксплицитная интертекстуальность в тексте произведения «Чернильное сердце» выражена онимами заглавных протагонистов. Усеченные упоминания произведений отличаются от онимов заглавных протагонистов графическим оформлением. Сравним примеры литературных реминисценций на произведение М.Твена «Die Abenteuer des Tom Sawyer». В первом примере мы имеем дело с усеченным упоминанием прецедентного текста, поэтому он выделен курсивом: 1) «und einmal, als ich einem Freund *Tom Sawyer* vorlas» [Там же, с. 166], а во втором примере «Tom Sawyer» выступает как оним заглавного протагониста, который графически не маркируется: 2) «Tom Sawyer? Keine Mutter» [Там же, с. 308].

Отсутствие графического выделения в случаях с онимами, присутствующими в названиях произведений, отнюдь не влияет на их эксплицитность, тем более что названия произведений, в которые они входят, присутствуют в эпитафиях «Чернильного сердца».

В главе «Basta» Мегги, Мо, Элинора, Штаубфингер, Фарид находят место для ночлега в заброшенной хижине. Оглядевшись, Мегги решает, что она ощущает себя буквально в бочке Гекльберри Финна. Ср: «im Fass von Huckleberry Finn». Как и в случае с тематизированной интертекстуальностью, рассмотренной в предыдущем примере, данная литературная реминисценция встречается в диалоге Мегги с отцом. Цитату из произведения М. Твена «Die Abenteuer des Huckleberry Finn» можно найти позднее в эпитафии к главе «Fenoglio», которая

и позволяет определить принадлежность данного онима к прецедентному тексту.

Эпитафия и имплицитная интертекстуальность основного текста

Гораздо реже в тексте встречаются случаи имплицитных аллюзий на другие произведения. В таких случаях паратекст используется К. Функе в качестве подсказки.

В главе «Geheimnisse» присутствует имплицитная аллюзия на произведение Р. Даля «Hexen, Hexen»: «Die Hexen, ja. Die Hexen würden mitkommen, die Hexen mit den kahlen Köpfen, die Kinder in Mäuse verwandeln...» [12, с. 25].

Для того чтобы «спрятать» в тексте аллюзию на произведение Р. Даля, К. Функе намеренно дает неполное его название, а также не выделяет его курсивом, в отличие от произведения «Piposchio», упоминавшегося ранее в этом же абзаце. Созданию интертекстуальной игры благоприятствует отсутствие онима в заглавии. Собственно речевая ситуация – размышление Мегги о том, какие книги ей взять с собой в поездку – позволяет не повторять несколько раз в одном контексте существительное «die Geschichte» («рассказ»). Таким образом, возникает эллиптическая конструкция предложения «Die Hexen, ja» [Там же]. В следующем предложении используется глагол «mitkommen», значение которого валентно номинации одушевленных предметов – «sich gemeinsam mit anderen an einen bestimmten Ort begeben; mitgehen» [11, с. 1086]. Ср.: «идти с кем-то» (перевод мой. – Е.К.). Возникает языковая игра лексико-семантического уровня, при которой в результате использования глагола «mitkommen» с существительным «Die Hexen» происходит перенос качеств «живое» – «неживое». Узнать, что за произведение скрыто в данной аллюзии, позволяет эпитафия к главе «Allein», где цитируется произведение Р. Даля «Hexen, Hexen»: «„Bist du auch ganz bestimmt nicht traurig, dass du für den Rest deines Lebens eine Maus bleiben musst?“» [12, с. 86]. Связующим звеном между аллюзией и ее источником становится интерпретированная К. Функе фраза о том, что ведьмы превращают детей в мышей: «... die Hexen mit den kahlen Köpfen, die Kinder in Mäuse verwandeln» [Там же, с. 25].

Читатель должен обладать высокой интертекстуальной компетенцией, чтобы «на месте» дешифровать аллюзию на произведение Т. Уайта «Der König auf Camelot», предложенную автором в главе «Damals»: «... oder Wart, der mit den Wildgänsen im Gras schläft» [Там же, с. 164]. К. Функе предлагает нам по-

участвовать в игре вместе с Мегги и ее отцом и отгадать по одному эпизоду все произведение: «Wie oft hatten sie und Mo schon dieses Spiel gespielt: “Welches Buch fällt dir ein, <...>“» [12, с. 165]. Однако не каждый способен самостоятельно дать ответ, лишь самый внимательный реципиент, уловивший авторские интенции «поиграть» со своим читателем, найдет его позднее в паратексте к главе «Geheimnisse». Ключевым словом в составе данной имплицитной аллюзии становится оним «Wart». Не являясь заглавным, данное имя собственное, тем не менее, выполняет функцию эксплицитного маркера в эпиграфе, по которому удается идентифицировать принадлежность аллюзии к произведению Т. Уайта: «”Wenn ich zum Ritter geschlagen werden sollte“, sagte Wart und startete verträumt ins Feuer» [Там же, с. 357].

Итак, вышеперечисленные примеры из произведения К. Функе «Чернильное сердце» указывают на *нелинейное* взаимодействие эпиграфа с литературными реминисценциями на всем пространстве текста. Большим массивом в произведении «Чернильное сердце» представлен корпус прецедентных текстов в виде упоминаний заглавий, а также главных героев. При этом они встречаются в диалогической речи персонажей, участвуя в интертекстуальной игре. Несмотря на высокую вероятность узнаваемости, данный способ интертекстуального включения лаконичен и, к сожалению, малоинформативен. Поэтому возможный недостаток знаний о том или ином «интертекстуально» обрабатываемом произведении можно компенсировать с помощью паратекста, а именно эпиграфов. Цитаты в эпиграфах снабжают читателя дополнительными сведениями о прецедентном тексте, достаточными для восприятия интертекстуальной игры, в которой они участвуют. В случае имплицитной интертекстуальности эпиграфы помогают распознать аллюзии на произведения, скрытые в основном тексте. Иными словами, эпиграф может маркировать и декодировать литературные реминисценции, которые сопутствуют данному эпиграфу.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007.
3. Женетт Ж. Введение в архитектекст // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.

6. Кузьмина Н.А. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 60–63.

7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987.

8. Мещерякова М.И. Краткий словарь литературных терминов: метод. реком. для учителя и учеников. М.: Мегатрон, 1998.

9. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.

10. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 5. С. 25–38.

11. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. 4, neu bearbeitet und erweiterte Auflage. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2001.

12. Funke Cornelia. Tintenherz. Cecilie Dressler Verlag GmbH & Co. KG: Hamburg, 2003.

13. Helbig J. Intertextualität und Markierung. Untersuchungen zur Systematik und Funktion der Signalisierung von Intertextualität. Heidelberg: Winter, 1996.

14. Stocker P. Theorie der intertextuellen Lektüre: Modelle und Fallstudien. Paderborn-München-Wien-Zürich: Ferdinand Schöningh, 1998.

* * *

1. Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. st. / nauch. red. P.E. Buharkin. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999.

2. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. 5-e izd., stereotipnoe. M.: KomKniga, 2007.

3. Zhenett Zh. Vvedenie v arhitektst // Zhenett Zh. Figury: v 2 t. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

4. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 7-e izd. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

5. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k post-strukturalizmu / per. s fr., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.

6. Kuz'mina N.A. Jepigraf v kommunikativnom prostranstve hudozhestvennogo teksta // Vestnik Omskogo universiteta. 1997. Vyp. 2. С. 60–63.

7. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' / pod obshh. red. V.M. Kozhevnikova i P.A. Nikolaeva. М.: Sov. jencikl., 1987.

8. Meshherjakova M.I. Kratkij slovar' literaturnyh terminov: metod. rekom. dlja uchitelja i uchenikov. М.: Megatron, 1998. 58 s.

9. Suprun A.E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 17–29.

10. Fateeva N.A. Tipologija intertekstual'nyh jelementov i svjazej v hudozhestvennoj rechi // Izvestija AN. Ser. lit. i jaz. 1998. T. 57. № 5. S. 25–38.

Correlation of epigraphs and literary reminiscences of the main text in the work by C. Funke "Inkheart"

There is revealed one of the functions of epigraphs when it marks the literary reminiscences of the main text. Thus the epigraph correlates with intertextuality of various explicit level in the whole text regardless the chapter it precedes.

Key words: *epigraph, functions of epigraph, literary reminiscences, precedence texts, thematic intertextuality, explicit intertextuality, implicit intertextuality.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

О.И. ПАШКЕВИЧ
(Якутск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. СОЛОВЬЁВА- БОЛОТ БООТУРА

На материале произведений якутского писателя В.С. Соловьёва-Болот Боотура рассматриваются особенности отражения национального менталитета, которые проявились в сюжетах романов, поэтике, мировосприятии. Книги этого автора представляют благодатный материал для изучения национальной психологии народов Севера.

Ключевые слова: *менталитет, якутская литература, национальный характер, поэтика, обычаи.*

Слово «менталитет» стало одним из наиболее употребляемых в последнее время. В зарубежной историографии применение этого термина связывается с именами М. Блока и Л. Февра, основавших в 1929 г. в Париже журнал «Анналы экономической и социальной истории». Взгляды анналистов были ши-

роко известны уже перед Второй мировой войной, но более глубокое изучение истории ментальностей как интегральной части социальной истории началось с 1960-х гг.

В настоящее время, наряду с термином «менталитет», употребляются и производные от него понятия. Постоянно стало использоваться прилагательное «ментальный», а от него, в свою очередь, был образован термин «ментальность». Вслед за историками его быстро освоили философы, психологи, культурологи и социологи.

Плодотворно над проблемой менталитета в литературе работает Г.Д. Гачев, который вместо термина «менталитет» ввёл определение «национальный космопсихологос» и «национальный образ мира». Он поясняет: «Искомую национальную целостность я определяю как Космо-Психо-Логос. Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство: тело, душа и дух, – так и всякая национальная целостность есть единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос)» [5, с. 33].

В своих работах учёный опирается на художественные произведения, которые для него «как бы национальное устройство мира в удвоении». Он отмечает, что исследование данного вопроса связано со многими трудностями. Анализ размышлений Г.Д. Гачева даёт основание полагать, что для рассмотрения национального менталитета литературные тексты необходимо анализировать по таким аспектам, как индивидуум – семья – общество; сексуальность – любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость – счастье – страдание; страхи и надежды; праздники; возрастные особенности; умирание и смерть; общение; чужое и собственное; природа и окружающий мир, пространство, время и история.

Пристальное внимание к менталитету объясняется разными причинами. Авторы статьи «Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен» Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная считают, что «изучение российского менталитета позволяет глубже понять смысл отечественной истории, истоки российской государственности, духовности, патриотизма, что имеет огромное значение для процесса возрождения России» [1, с. 17].

Не менее убедительно, на наш взгляд, выглядит точка зрения С.И. Гармаевой и С.М. Орус-оол, полагающих, что науке в современном мире приходится решать «сложные проблемы фундаментального и приклад-